

— О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ —

Людвик
Перский:

МЫ ШЛИ

К ПОБЕДЕ ВМЕСТЕ

В нашей сегодняшней публикации о польском кинодокументалисте Людвике Перской рассказ пойдет в основном о начале его творческого пути, озаренном сплошными военного времени. Грозовые военные годы нашли свое отражение в документальных кадрах, в лентах боевых хроник, а также в последующих фильмах на военную тему, которых он сделал немало. Но круг интересов этого известного мастера польского кинематографа очень широк. У него есть серия фильмов о музыке: «Концерт», «Портрет дирижера», «Концерт для четырех фортепиано» и другие. Он снял ленту об автомобильном ралли Монте-Карло, динамичную и захватывающую, как детективный фильм. Ему принадлежит и интересная мультипликация «Ожидание», которую хорошо знают советские зрители.

— Сначала нас было пять с половиной человек, — вспоминает Людвик Перский. — Видя на моем лице недоумение, поясняет: — У моего друга оператора Станислава Волья и его жены Хелены в Ашхабаде, куда нас забросила война, родился сын. Когда мы получили вызов с предложением организовать киногруппу в формировавшейся дивизии имени Тадеуша Костюшки, подписанный от имени союза польских патриотов Вандой Василевской, в телеграмме перечислялись: Александр Форд, Адольф Форберт, Людвик Перский, Станислав Воль, Хелена Воль-Вылинг, Анджей Воль. А поскольку последнему едва исполнился годик, мы и шутили: дескать, нас пятеро с половиной.

Мой собеседник рассказывает обо всем с доброй улыбкой, стараясь в любом, самом тяжелом испытании подметить его жизнерадостную, а подчас и комическую черту.

— Легко было написать: прибыть в Рязань. Время-то военное, 1943 год. Ну, из Ашхабада до Ташкента добрались без особых приключений. А из Ташкента на запад было такое количество желающих уехать, что мы и пытались не стали пробираться к кассам. Попали на Ташкентскую киностудию. Режиссер Леонид Луков снял там как раз «Два бойца». Съемки велись ночью, так как днем не хватало электроэнергии. Как рассвело, режиссер откомандировал с нами на вокзал Бориса Андреева и Марка Бернеса. Вошли мы в кассовое помещение, и Андреев во всю мощь своих легких гаркнул: «Люди, знаете ли вы нас?» В толпе пронеслось: «Андреев! Бернес!» — «А это вот, — жест в нашу сторону, — друзья наши, поляки, им надо срочно уехать в польскую армию. Пропустите их, пожалуйста, без очереди!» Кто-то из толпы крикнул: «Пропустим, только пусть Бернес споет нам что-нибудь!» И Бернес... запел еще неизвестную тогда «Темную ночь». Это было, наверное, первое публичное исполнение знаменитой песни — на переполненном Ташкентском вокзале, без всякого аккомпанемента. Люди — а большинство были оправившиеся после ранений и возвращавшиеся на фронт бойцы — притихли, вслушиваясь... А потом сам собой образовался проход, по которому мы беспрепятственно прошли к кассе.

Пустой санитарный поезд, в который попали польские кинодокументалисты, тащился необыкновенно медленно. На одной из станций, когда уже были у Волги, кто-то посоветовал: вон подошь состав с углем, он наверняка уйдет раньше и без остановок донесется до Рязани. Недолго думая, взгромоздились на кучу угля в вагон без крыши.

В Рязань прибыли ночью.

— Бродили, бродили на ощупь по рельсам, пока нас, на счастье, не арестовали, — продолжает рассказ Л. Перский. — Доставили в коменданттуру. Там поначалу приняли очень строго, но, как только мы вышли на свет, раздались хохот, какого я никогда ни до того, ни после не слышал. Взглянули и мы на себя в зеркало — лица чернее антрацита, только зубы блестят!

А уже наутро, после приезда, начала свою деятельность знаменитая киногруппа «Чолувка» («Авангард»), прошедшая вместе с советскими и польскими воинами длинный и трудный боевой путь от Рязани до Берлина.

Первые фронтовые кадры были сняты в сражении под белорусским местечком Ленино 12 октября 1943 года. И тут же привезли отснятый материал на проявку в Москву и показали его советским коллегам, раздались возгласы недоверия. Солдаты костюмировали в атаку прямо на аппараты! Что это, инсценировка? Ведь настоящую атаку, каждый зна-

ет, можно снимать только со спины наступающих, иначе оператор будет сражен первой же пулей.

Все объяснилось просто. Ночью перед атакой кинооператоры пробрались на выдвинутые далеко вперед наблюдательные пункты и залегли там. И когда началась атака, оказались впереди наступавших. Дело было вовсе не в безрассудной храбрости, а в элементарном отсутствии у них фронтового опыта. Операторы получили выговор от военного начальства, зато сумели сделать уникальные кадры «в лоб».

Озверченная Юрием Левитаном и Леонидом Хмарой польская фронтовая хроника демонстрировалась в кинотеатрах Москвы.

— Это был, вероятно, первый международный успех польской кинематографии, — шутит Людвик Перский. Впрочем, в этом есть немалая доля правды: ведь «Чолувка» не только фиксировала боевые эпизоды, но и закладывала основы будущего польского кино. Подобрались люди, комплектовалось оборудование. Сразу после освобождения Люблина уже демонстрировались фильмы возрожденной Польши — хроника, снятая «Чолувкой».

Организация первой киностудии началась сразу после освобождения Лодзи. А операторы «Чолувки» шли дальше с войсками, продолжали наносить на пленку летопись событий. Сами за себя говорят название фильмов того времени: «Майданек — кладбище Европы», «На запад», «Первый съезд профессиональных союзов», «Падение Берлина».

На перекрестках военного времени произошла важная встреча в жизни Л. Перского.

— Снятый материал мы ездили обрабатывать в Москву, на студию документальных фильмов, — вспоминает он. — Наша комната помещалась на пятом этаже, а курить разрешалось только внизу, на первом. Лифты во время войны не работали. Спустился я однажды покурить и уже внизу обнаружил, что забыл папиросы в кармане шинели. Только подумал с тоской — эх, обратно карабкаться пять этажей, — как вдруг открывается дверь, и выходит очаровательная блондинка, на ходу закуривая. Правил я мундир, щелкнул каблуками: «Пшес прашем, могу ли попросить пани...» Угостила она меня папироской, затянувшись мы табачком... Так до сих пор и курим вместе — более сорока лет!

Людмила Леонидовна Некрасова-Перская работала монтажницей на фильмах Е. Дзигана, М. Калатозова, Г. Александрова. А после встречи с Людвиком Перским ей суждено было стать первым монтажером послевоенного польского кино. Больше половины работающих сегодня представителей этой важной в кино специальности — ее ученики, ученики ее учеников, ученики учеников ее учеников. Конечно, и Людвик Перский большинство своих фильмов делал вместе с ней.

Вспоминая военные годы, мой собеседник не может обойти эпизода, который особенно глубоко запал в память. «По совместительству» он иногда выполнял роль диктора на радио Союза польских патриотов. Именно ему выпала честь первому зачитать в 1944 году на весь мир на польском языке Июльский манифест — первый государственный акт народной Польши.

— Стоял жаркий день, в студии было невероятно душно, — вспоминает Л. Перский. — А чтение длилось почти

много, ни мало сорок минут. Выскочил я на «на свободу» мокрые, как мыши, и купаясь в горячей. Оказывается, в соседнем помещении собрались члены Польского комитета национального освобождения, с

волнением следившие за оглашением исторического текста...

Война раскалывает семьи, разлучает близких. Мать Людвика, жившая под Варшавой, все годы после нападения немцев на Польшу ничего не знала о судьбе сына. Когда советские войска освободили правобережные районы польской столицы, ее сосед прибежал с новостью:

— Видел на площади кинохронику, показывали солдаты из передвижки. И в титрах фамилия: Перский...

— А еще какие фамилии заметил? — с нарастающей тревогой спросила мать.

— Как будто бы Воль...

Женщина всплеснула руками — и упала в обморок. Она знала, что Людвик ушел из Варшавы вместе со Станиславом Волем. Раз их фамилии рядом — значит, жив сынок!

А еще через пару дней он и сам явился к ней, обетренный и возмужавший. Но долго не засиделся, дела звали его дальше, на запад.

— Глубоко потряс меня вид истерзанного сердца Варшавы. Может, тогда и мельнула впервые мысль: кончим войну, возьмусь за фильм о своем родном городе. Замысел осуществил. Снял не только полнометражный фильм «Варшава», но и еще около двадцати лент, посвященных моей столице.

Мы сидим в уютных креслах за чашечками ароматного кофе. За окнами с одной стороны сквозь ветви деревьев просматривается панорама Вислы с повисшими над нею мостами и новыми кварталами на другом берегу. Трудно поверить, что ничего этого сорок лет назад не было, остались только руины и отвратительный запах пожарища...

— Да, поверить трудно, — соглашается Л. Перский. — Порой хочется забыть, что были все эти ужасы войны. Поэтому я так люблю работать над фильмами об искусстве, музике, природе. Но ведь от жестокой правды не спряшешь голову под подушку. Надо напоминать о пережитом людям, чтобы не притулилась у них бдительность. И еще: надо снова и снова рассказывать о тех годах, когда мы — советский и польский народы — вместе шли к Победе, когда защищали основы нашей дружбы.

О драматических и героических страницах истории войны рассказывается в фильме «Зашну и вашу свободу», который Людвик Перский снял вместе с советским режиссером Леонидом Махнаем.

— Поначалу я был озабочен предложением делать такую совместную работу, — вспоминает кинодокументалист. — Мне это показалось невозможным: все равно, думал, как если бы автомобилем захотели управлять одновременно два шоффера, у каждого из которых был бы собственный руль...

Прилетел в Москву, увидел своего «напарника» и совсем расстроился: на двадцать два года моложе меня! Но начали мы с ним говорить, спорить, потом работать — и вот уже семнадцать лет нас водой не разлив. Сняли не этот один, а еще два совместных фильма — «Рассказы о дружбе» и «Глазами друга», где я с помощью Леонида вел рассказ о Москве, а он с моей помощью — о Варшаве. Встречаемся на фестивалях, вместе несколько раз отдыхали в Доме кинематографистов в Гицунде. Не проходит месяца, чтобы не созвонились, переписывались...

Да вот, — Л. Перский достал из папки вырезку, — только что получил от Леонида.

Красным карандашом отмечены абзацы из опубликованной «Советской культурой» статьи С. Юткевича, посвященные разбору одной из картин Л. Перского.

...На улице вечереет, но наше беседе не видно конца. Меняется уже которая кассета в диктофоне, а жалко упустить хоть маленькую деталь. Польский кинематографист вспоминает советских друзей — и сегодняшних, и давних. Звучат имена А. Довженко, М. Ромма, И. Савченко, М. Донского, Ю. Олеши, с которыми судьба сводила Л. Перского в первые годы войны.

Л. Перский заканчивает сейчас большой фильм, посвященный Варшаве.

— Пока могу двигаться, хочу снимать, — говорит он. — А там посмотрим, сколько лет...

Ю. ВАСИЛЬКОВ, соб. корр. «Груды» — «Советской культуры».

• Л. Перский и Л. Махнай в период работы над совместным фильмом.